

Новый роман обладателя
Всемирной премии фэнтези!

Гай Гэвриел Кей

ПОДНЕБЕСНАЯ



*Человек, который сделал легендарный
«Сильмариллион» Дж.Р.Р. Толкина!*

Гай Гэвриел Кей Поднебесная

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5806260*

*Поднебесная : [фант, роман] / Гай Гэвриел Кей; пер. с англ. Н. Ибрагимовой, К. Торшиной. : АСТ, Астрель; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-077918-5*

Аннотация

Двадцать лет назад закончилась очередная война между Империей Китая и державой тагуров. Были подписаны мирные соглашения, обе стороны обменялись богатыми дарами, а одна из дочерей Сына Неба стала женой императора Тагура. Но что до этого сотне тысяч павших воинов обеих армий, тела которых остались лежать на берегах затерянного в горах на границе обеих империй озера Куала Нор? Сто тысяч не нашедших покоя без достойного погребения душ, одержимых скорбью, яростью и тоской...

Прославленный китайский генерал Шень Гао считал эту бойню бессмысленной. И вот, после его смерти, второй сын генерала Тай, дабы почтить память отца, удаляется в добровольное двухлетнее отшельничество на поле давней битвы, дабы предать земле останки погибших – и своих, и чужих. За свой труд он не ждет ни благодарностей, ни почестей, ни наград. Но так уж устроен мир под сенью девяти небес: в самый неожиданный момент он может поднести тебе дары или отраву в драгоценной чаше...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	75
Глава 7	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Гай Гэвриел Кей Поднебесная

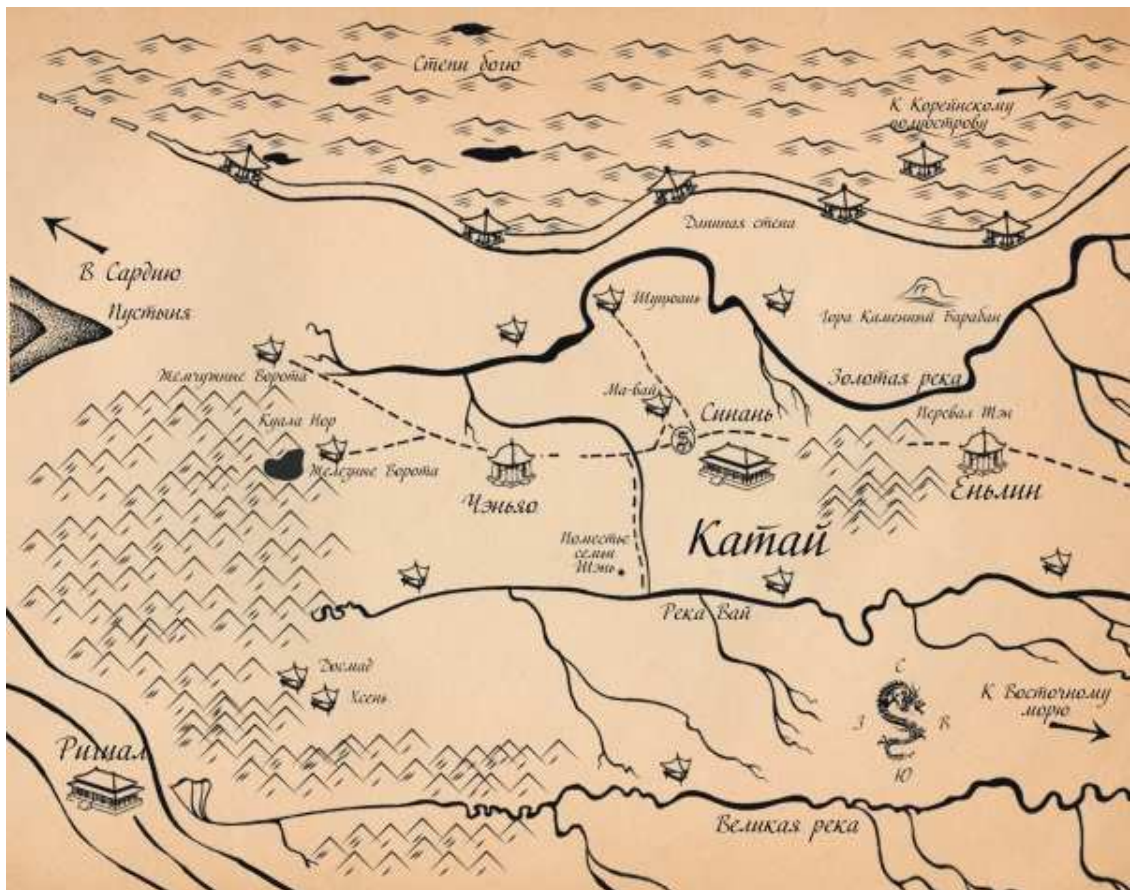
Сибилле, с любовью

*Глядя в зеркало из бронзы, можно исправить свою внешность;
глядя в зеркало истории, можно понять взлет и падение
государства;*

*глядя в зеркало из хороших друзей, можно отличить добро от
зла.*

Ли Шиминь, танский император Тайцзун

Часть первая



Глава 1



Среди десяти тысяч звуков в Синане, среди нефрита, золота и вихрей пыли, он часто проводил ночи без сна в компании друзей или пил вино с пряностями в Северном квартале вместе с куртизанками.

Они слушали игру на флейте, или на пипе¹ и читали стихи, испытывали друг друга насмешками и цитатами, иногда уединялись в комнаты с надушенными, шелковыми женщинами, а потом нетвердой походкой отправлялись домой, после того как барабаны на рассвете извещали о конце комендантского часа, и спали весь день вместо того, чтобы учиться.

Здесь, в горах, в одиночестве, в холодном чистом воздухе у вод Куала Нора, далеко к западу от столицы и даже за границами империи, Тай с наступлением темноты ложился на узкую кровать под первыми сверкающими звездами и просыпался на восходе солнца.

Весной и летом его будили птицы. Это было место, где тысячи и тысячи птиц шумно вили гнезда: орлики и бакланы, дикие гуси и журавли. Гуси заставляли его вспоминать далеких друзей. Дикие гуси были символом отсутствия: в поэзии и в жизни. Журавли – совсем другое дело. Они символизировали верность.

Зимой здесь стоял свирепый холод, просто дух захватывало. Северный ветер, когда он дул, нападал на тебя снаружи, и проникал даже сквозь стены домика. Тай спал под несколькими слоями меха и овечьих шкур, и птицы не будили его на рассвете из покрытых льдом мест гнездовых на дальнем конце озера.

¹ Четырехструнный щипковый музыкальный инструмент наподобие лютни. – *Прим. ред.*

Зато призраки были рядом в любое время года – и в лунные ночи, и в темные, как только садилось солнце.

Теперь Тай узнавал некоторые из их голосов. Злые голоса, и растерянные голоса, и те, в чьих тонких, протяжных воплях звучала только боль.

Они его не пугали, больше не пугали. Хотя сначала он думал, что умрет от ужаса, в те первые ночи наедине с мертвецами.

Он смотрел в окно, не закрытое ставнями, в весеннюю, летнюю, или осеннюю ночь, но никогда не выходил из дома. Под лунной или под звездами, мир у озера принадлежал призракам. По крайней мере, к такому пониманию он пришел.

Он с самого начала установил для себя распорядок, чтобы справиться с одиночеством, страхом, и огромностью места, где находился. Святые и отшельники в своих горах и лесах, вероятно, намеренно поступали иначе, проживая дни подобно подхваченным ветром листьям. У них не было ни воли, ни желаний, но Тай обладал иным характером, и он вовсе не был святым.

Он действительно начинал каждый день молитвой за отца. Официальный период траура еще не закончился, и возложенная им самим на себя миссия у этого далекого озера была напрямую связана с уважением к памяти отца.

После молитв, которые, как он полагал, также возносят его братья в том доме, где все они родились, Тай обычно выходил на горный луг (зелень разных оттенков пестрела полевыми цветами, или под ногами хрустели снег и лед) и, если не было бури, выполнял свои каньлинские упражнения. Без меча, потом с одним мечом, потом с обоими.

Он смотрел на холодные воды озера с маленьким островком посередине, потом вверх, на потрясающие горы вокруг, громоздящиеся друг на друга. За северными вершинами земля на протяжении сотен ли² спускалась под уклон, к длинным дюнам смертоносных пустынь, которые с двух сторон огибали дороги Шелкового пути, приносящие столько богатства двору, империи Китая. Его народу.

Зимой он кормил и поил свою маленькую, лохматую лошадку в сарае, пристроенном к его хижине. Когда становилось теплее и снова появлялась трава, он отпускал ее пастись на весь день. Она была спокойная, не убегала. Впрочем, бежать ей было некуда.

После упражнений Тай старался впустить в себя тишину, стряхнуть хаос жизни, амбиции и устремления, стать достойным возложенного на себя труда.

А потом брался за дело – погребение мертвых.

Он никогда, с самого приезда сюда, не делал никаких попыток отделить китайских солдат от тагурских. Их останки, черепа и белые кости, перемешались, разбросанные и наваленные грудями. Плоть ушла в землю или досталась животным и стервятникам, уже давно, или – в случае погибших во время самой последней кампании – не так давно.

Тот последний конфликт закончился победой Китая, хоть она и досталась большой кровью. Сорок тысяч погибло в одном-единственном сражении, почти одинаковое количество китайских и тагурских воинов.

Его отец был на той войне. Генерал, после получивший в награду гордый титул Командующего левым флангом на Усмирённом западе. Сын Неба достойно наградил его за победу: личная аудиенция в Зале великолепия во дворце Да-Мин, когда он вернулся с востока, пурпурный пояс, слова похвалы, обращенные лично к нему, подарок из нефрита, полученный из рук императора всего через одного посредника.

² Единица измерения расстояния. В древности составляла 300 или 360 шагов, современное общепринятое значение – 500 метров. – *Прим. ред.*

Нельзя отрицать, в результате того, что произошло у этого озера, семья Шень получила большую выгоду. Мать Тая и Вторая мать вместе курили благовония и зажигали свечи в благодарность предкам и богам.

Но для генерала Шэнь Гао воспоминание о здешнем сражении, до самой его смерти, случившейся два года назад, служило источником одновременно гордости и печали, и эти чувства были с ним всегда.

Слишком много людей отдали жизнь за озеро на границе пустынного края, который не могла бы удержать ни одна из империй.

Потом был подписан договор, скрепленный изысканными заверениями и обрядами, и впервые катаяскую принцессу отдали в жены тагурскому принцу, о чем тоже говорилось в договоре.

В юности услышав это число – сорок тысяч погибших, – Тай не мог даже представить себе такое количество мертвецов. Теперь уже мог.

Озеро и луг лежали между одинокими крепостями, и за ними наблюдали обе империи на расстоянии многих дней пути отсюда, с юга – Тагур, с востока – Китай. Сейчас здесь всегда стояла тишина, не считая воя ветра, криков птиц в соответствующее время года и призраков.

Генерал Шэнь говорил о печали и чувстве вины только с младшими сыновьями (и никогда – с самым старшим). Такие чувства у главнокомандующего могли счесть постыдными, даже предательскими: отрицанием мудрости императора, который правит по велению богов и никогда не ошибается, не может ошибаться, иначе его трону и империи грозит опасность.

Но Шэнь Гао высказывал эти мысли, и не раз, после того как ушел в отставку и удалился в семейное поместье на берегу текущей на юг речки, недалеко от реки Вай. Обычно – выпив вина в тихий день, когда листья или цветки лотоса падали в воду и уносились вниз по течению. И память об этих словах была главной причиной того, что его второй сын оказался в период траура здесь, а не дома.

Иные могли бы возразить, что тихая печаль генерала была ошибочной и неуместной. Что битва здесь являлась необходимой для дела защиты империи. Важно помнить, что не всегда армии Китая торжествовали над тагурами. Правители Тагура на своем далеком, полностью защищенном плато были непомерно амбициозными. Победа и жестокость доставались обеим сторонам на протяжении ста пятидесяти лет сражений у Куала Нора, за перевалом Железные Ворота, который сам по себе был самой дальней крепостью империи.

«Тысяча ли лунного света, льющегося к востоку от Железных Ворот», – так написал Сыма Цянь, Изгнанный Бессмертный. Это не было правдой в буквальном смысле, но любой человек, когда-либо побывавший в крепости у Железных Ворот, понимал, что имел в виду поэт.

А Тай находился в нескольких днях езды верхом на запад от крепости, за пределами этого передового поста империи, вместе с мертвыми: с тоскливыми воплями по ночам и костями более сотни тысяч солдат, белеющими в лунном свете или под лучами солнца. Иногда, лежа ночью в постели среди гор, он с опозданием понимал, что голос, модуляции которого были ему знакомы, умолк, и тогда ему становилось ясно, что он предал земле кости его владельца.

Их было слишком много. Нечего и надеяться когда-либо завершить работу: это задача для богов, спустившихся с девяти небес, а не для одного человека. Но если ты не смог сделать всё, значит ли это, что ты не сделал ничего?

Уже два года Шэнь Тай предлагал на этот вопрос ответ, который мог считать своим, в память о голосе отца, тихо просящего еще одну чашу вина, следя за большой, медленной золотой рыбкой и плывущими в пруду цветами.

Мертвые были здесь повсюду, даже на острове. Там когда-то стояла маленькая крепость, сейчас превратившаяся в груды щебня. Тай пытался представить себе сражение, стремительно приближающееся к этому месту. На галечном берегу поспешно строят лодки из растущих на склонах деревьев; попавшие в западню защитники той или иной армии, в зависимости от года, в отчаянии; они выпускают последние стрелы, когда безжалостные враги плывут к ним через озеро и сулят им гибель.

Он предпочел начать отсюда два года назад, сидя на веслах маленького суденышка, которое нашел и починил; в весенний день, когда в озере отражалось синее небо и горы. Остров был ясно очерченным участком, имеющим границы, он меньше пугал. На лугу вокруг озера и дальше, в сосновом лесу, мертвецы лежали повсюду, на расстоянии целого дня ходьбы.

Немного больше, чем полгода, под этим высоким, свирепым небом ему удавалось копать, зарывать в землю сломанное, проржавевшее оружие вместе с костями. Это была убийственно тяжелая работа. Тай стал жилистым и мускулистым, его ладони покрылись мозолями, по ночам у него ныло все тело, когда он устал валиться на постель, помывшись согретой на огне водой.

С конца осени, на всю зиму и раннюю весну, земля промерзала и копать было невозможно. Можно было надорвать сердце, пытаясь вырыть одну-единственную могилу.

В первый год, когда озеро покрылось льдом, он мог ходить через озеро в течение нескольких недель. Вторая зима была мягче, и озеро не замерзло. Тогда, если позволяли волны и погода, Тай, закутавшись в меха, надев капюшон и перчатки, на несколько дней уплывал на лодке, видя клубы пара своего смертного дыхания в белой пустой тишине и ощущая себя ничтожно маленьким по сравнению с высоким, враждебным простором вокруг. Он с молитвой предавал мертвых темной воде, чтобы они больше не лежали, забытые и неосвященные, на продуваемой ветром земле здесь, на холодном берегу Куала Нора, среди диких животных и вдали от любого дома.

Война не продлилась долго. Так всегда бывает, где угодно, и особенно – в горной долине, такой удаленной, что трудно организовать снабжение из обеих воюющих стран, какими бы воинственными и амбициозными ни были их правители.

Поэтому на этих высокогорных лугах стояли хижинки, построенные рыбаками или пастухами, которые пасли овец и коз в те промежутки времени, когда здесь не умирали солдаты. Большинство хижин разрушили, но некоторые уцелели. Тай жил в одной из них, прилепившейся к поросшему соснами склону с северной стороны, чтобы укрыться от самых суровых ветров. Этой хижине было почти сто лет. Он починил ее, как смог, когда приехал сюда в первый раз: крышу, дверь и оконные рамы, ставни и каменный дымоход очага.

Затем ему неожиданно стали помогать, хотя он не просил помощи. Мир может поднести тебе яд в усыпанной драгоценными камнями чаше или сделать удивительные подарки. Иногда ты не знаешь, что именно получил. Один его знакомый написал поэму, развивая эту мысль.

Сейчас он лежал без сна среди весенней ночи. Сияла полная луна, а это означало, что тагуры появятся у него поздним утром – полдюжины человек и телега с припасами, запряженная волами, спустятся вниз по склону с юга, обогнут по ровному берегу озеро и подъедут к хижине. А в первое утро после новолуния приедут его собственные соотечественники, с востока, по долине от Железных Ворот.

На это ушло некоторое время после того, как он тут появился, но потом они установили очередность, которая позволяла им приезжать к нему, не встречаясь друг с другом. В его замысел не входило, чтобы люди погибали из-за того, что он здесь. Сейчас мир, договор подписан, произошел обмен дарами и принцессой, но подобные истины не всегда бывают убе-

дительно, когда молодые агрессивные солдаты встречаются в отдаленных местах. Молодые могут начать войну.

Обе крепости относились к Таю, как к святому отшельнику или глупцу, предпочитающему жить среди призраков. Они вели молчаливую, почти забавную войну друг с другом через него, соревнуясь в щедрости, растущей из месяца в месяц, и в том, кто окажет ему больше помощи.

Соотечественники Тая настелили полы в его хижине, привезя на телеге нарезанные и отшлифованные доски. Тагуры взяли на себя ремонт дымохода. Чернила, перья и бумагу (по его просьбе) доставили из крепости у Железных Ворот; вино в первый раз привезли с юга. Обе крепости поручали своим людям нарубить дров, когда они приезжали сюда. Зимние меха и овечьи шкуры привозили для его постели и для одежды. Ему подарили козу, чтобы у него было молоко, а потом вторую, с другой стороны, и еще необычного вида, но очень теплую шапку тагуров с клапанами по бокам и длинными ушами, завязывающимися под подбородком, в ту, первую осень. Солдаты из крепости у Железных Ворот построили маленький сарай для его маленькой лошадки.

Тай пытался прекратить все это, но ему не удалось никого убедить, и, в конце концов, он понял, что дело не в доброте к безумцу, и даже не совсем в стремлении перешеголять друг друга. Чем меньше времени он потратит на поиски еды, дров и на ремонт хижины, тем больше его сможет уделить своей задаче, за которую еще никто до него не брался и которая – когда они поверили, что он здесь именно ради нее, – не менее важна для тагуров, чем для его собственного народа.

В этом можно увидеть иронию, часто думал Тай. Они способны прогнать и убить друг друга, даже теперь, если случайно явятся сюда одновременно, и только настоящий глупец может полагать, что битвы на западе закончились навсегда. И все же обе империи будут чтить его труд по погребению мертвых – пока не появятся новые.

Лежа в постели в теплую ночь, он слушал голоса ветра и призраков, разбуженный не ими (уже нет), а сверкающей белизной лунного света. Он теперь не видел звезды Ткачихи, которую отделяет от ее смертного возлюбленного Небесная река. Она светила так ярко, что раньше была ясно видна в окне, даже при полной луне.

В детстве Тай любил одну поэму, где центральным образом была луна, переносящая письма влюбленных через реку. Если он вспоминал о ней сейчас, то она казалась ему лишь надуманной, броской метафорой. Многие прославленные стихи времен начала Девятой династии казались такими, если пристально всмотреться в их замысловатые словесные узоры. Печально, что это может произойти, думал Тай, что тебе может разонравиться то, что тебя сформировало. И даже люди, которые на тебя повлияли. Но если бы ты не менялся, пусть даже совсем немного, где же тогда течение жизни? Разве познание изменения, иногда не означает отказ от того, что когда-то казалось истиной?

В комнате было очень светло. Почти настолько, чтобы заставить его встать с постели, подойти к окну и посмотреть на высокую траву, на то, во что серебро превратило зелень. Но он слишком устал. Он всегда уставал в конце дня и никогда не выходил из хижины ночью. Тай больше не боялся призраков – они к этому времени считали его эмиссаром, так он решил, а не вторгшимся чужаком из мира живых, – и все же он оставлял в их распоряжении мир после захода солнца.

Зимой ему приходилось закрывать сделанные заново ставни, по возможности плотнее затыкать щели в стенах тряпками и шкурами от ветра и снега. Хижина заполнялась дымом, освещенная огнем очага и свечами или одной из двух ламп, если он пытался писать стихи, или жаровни, на которой он грел вино (ее тоже привезли тагуры).

Когда приходила весна, он открывал ставни, впускал в дом солнце или звездный свет и луну, а потом – пение птиц на рассвете.

Когда Тай в первый раз проснулся сегодня ночью, то почувствовал себя растерянным, сбитым с толку, запутавшимся в последнем сновидении. Он решил, что еще зима, что сверкающее серебро, которое он видел, – это блеск льда или инея. Через мгновение он улыбнулся, возвращаясь к бодрствованию, кривой, насмешливой улыбкой. У него в Синане был друг, который оценил бы такой момент. Нечасто удается увидеть наяву образы известных строчек:

Свет у постели моей сверкает,
Словно серебряный иней.
Голову поднял, смотрю на луну,
Снова ложусь и дом вспоминаю.

Но, возможно, он ошибался. Может быть, если стихи достаточно правдивы, то рано или поздно некоторые из прочитавших их должны увидеть этот образ наяву, как он сейчас? Или, может быть, некоторые читатели видели этот образ еще до того, как познакомились со стихами и увидели, что там их ждет подтверждение? Поэт выразил словами те мысли, которые их уже посещали.

Впрочем, иногда поэзия внушала новые, опасные идеи. Порой людей отправляли в ссылку или даже убивали за то, что они написали. Можно было замаскировать опасное содержание, выдав стихи за произведение Первой или Третьей династии, написанное за сотни лет до настоящего времени. Иногда это получалось, но не всегда – старшие мандарины на службе государства отнюдь не дураки.

«Снова ложусь и дом вспоминаю»... Дом – поместье недалеко от реки Вай, где похоронен отец – в саду, рядом с обоими своими родителями и тремя детьми, которые не дожили до взрослого возраста. Где мать Тая и наложница Шэнь Гао, женщина, которую они звали Второй матерью, живут до сих пор, где у его двух братьев также заканчивается период траура, и старший брат скоро вернется в столицу.

Тай не знал точно, где сейчас его сестра. Женщинам полагалось всего девяносто дней траура. Ли-Мэй, вероятно, вернулась к императрице, где бы та ни находилась. Может быть, императрицы нет во дворце. Еще два года назад ходили слухи, что ее время в Да-Мине заканчивается. Теперь во дворце с императором Тайцзу другая женщина. Сверкающая, подобно драгоценному камню.

Многие этого не одобряли. Но никто, насколько знал Тай, не говорил об этом открыто, перед тем как он уехал домой, а потом приехал сюда.

Он обнаружил, что его мысли унеслись обратно в Синань от воспоминаний о семейном поместье у реки, где каждый год листья павловнии³ опадают на дорожку от парадных ворот все одновременно, за одну осеннюю ночь. Где персики, сливы и абрикосы растут в саду (красные цветы весной), где чувствуешь запах древесного угля, горящего на краю леса, и видишь дым из деревенских очагов за каштановыми и тутовыми деревьями.

Нет, теперь он вспоминал столицу: ее блеск, и пестроту, и шум. Место, где течет бурная жизнь, со всей ее пылью мира и яростью мира, даже сейчас, ночью, каждое мгновение воздействуя на все органы чувств. Два миллиона человек. Центр мира под небесами.

Там не бывает темно. Только не в Синане. Огни, зажженные людьми, почти затмевают свет луны. Там горят факелы и фонари, закрепленные неподвижно, переносимые в бамбуковых рамках или висящие на паланкинах знатных и облеченных властью людей, которых несут по улицам. В верхних окнах горят красные свечи, лампы свисают с уставленных цветами балконов в Северном квартале. Белые огни во дворце и широкие, плоские масляные

³ Высокое дерево с прямым стволом, раскидистой кроной и крупными фиолетово-сиреневыми цветками. – Прим. ред.

лампы на столбах в два человеческих роста во внутренних двориках горят всю ночь напролет.

Там музыка и сияние, горе и покой души; иногда на узких улочках и в переулках сверкают кинжалы или мечи. А когда приходит утро, снова является власть, и страсти, и смерть повсюду, люди толкаются на двух больших, оглушительно шумных базарах, в винных лавках и в учебных классах, на извилистых улочках (словно предназначенных для мимолетной любви или для убийства) и на потрясающе широких улицах. В спальнях и во внутренних двориках, изысканных частных садах и общественных парках, полных цветов, где ивы склоняются над каналами и глубокими искусственными озерами.

Тай вспомнил парк Длинного озера, к югу от глинобитных городских стен, вспомнил, с кем был там в последний раз, во время цветения персика. До того, как умер отец. В один из тех трех дней месяца, когда ей разрешали выходить из Северного квартала, – восьмого, восемнадцатого, двадцать восьмого. Она теперь далеко...

Дикие гуси – это символ разлуки.

Он думал о Да-Мине, целом дворцовом комплексе к северу от городских стен, об уже немолодом Сыне Неба и о людях, живущих вместе с ним и окружающих его там: о евнухах и мандаринах девяти рангов, одним из которых был старший брат Тая, о принцах, алхимиках, командующих армиями; и еще о той, кто почти наверняка лежит с ним сегодня ночью под луной. О той молодой и почти невыносимо прекрасной женщине, которая изменила империю.

Тай надеялся стать одним из гражданских служащих, имеющих доступ во дворец и ко двору, «плыть в струе», как говорится. Он целый год учился в столице (в промежутках между встречами с куртизанками и собутельниками) и уже готовился сдавать трехдневный письменный экзамен для поступления на императорскую службу Экзамен, определяющий будущее.

Потом умер его отец возле спокойной реки, и начались два с половиной года официального траура. И пронеслись, как ветер с дождем вниз по реке.

Одного человека приговорили к двадцати ударам тяжелой палкой за то, что он не отошел от повседневной жизни и не совершил те обряды, которыми полагалось почитать умерших родителей.

Можно сказать (и некоторые говорили), что Тай нарушил эти обряды тем, что находился здесь, в горах, а не дома, но он поговорил с помощником префекта перед тем, как отправиться в долгий путь на запад, и получил разрешение. И он до сих пор очень далек от повседневной жизни, и вообще чрезвычайно далек от всего, что можно было бы назвать амбициями или суетностью.

То, что он сделал, было довольно рискованно. Всегда существовала опасность, когда речь шла о том, что могут нашептать в Министерстве церемоний, которое руководит экзаменами. Устранить соперника тем или иным способом было самой распространенной тактикой, но Тай считал, что он себя обезопасил.

Конечно, никогда не знаешь наверняка. Только не в Синане. Министров назначали и ссылали, генералов и военных губернаторов продвигали по службе, потом понижали в ранге и приказывали им покончить с собой. К тому же двор быстро менялся перед его отъездом. Но Тай еще не занимал никакого положения. Он не рисковал ничем – ни должностью, ни рангом. И он считал, что сможет выжить после наказания палками, если до этого дойдет.

Он пытался понять сейчас, в залитой светом луны хижине, окутанный одиночеством, словно шелковичный червь во время четвертого сна, как сильно он в действительности скучает по столице. Готов ли он вернуться, возобновить прежнюю жизнь? Или настало время еще одной перемены?

Он знал, что скажут люди, если он действительно все изменит, и что уже говорят о втором сыне генерала Шэня. Первого сына, Лю, знали и понимали – его честолюбие и достижения вписывались в рамки стандарта. Третий сын был еще слишком молод, совсем ребенок. Именно Тай, второй сын, вызывал больше всего вопросов.

Траур должен был официально закончиться на седьмой месяц полной луны. Он завершил бы обряды, по-своему. Мог возобновить учебу и подготовиться к следующим экзаменам. Так поступали мужчины. Ученики сдавали письменные экзамены для поступления на государственную службу пять раз, десять, и даже больше. Некоторые умирали, так и не сдав их. Каждый год из тех тысяч, которые начинали этот процесс на предварительных экзаменах в своих уездах, от сорока до шестидесяти человек добивались успеха. Последний экзамен начинался в присутствии самого императора, одетого в белые одежды, черную шляпу и желтый пояс, как для высшей церемонии: сложный процесс посвящения, сопровождающийся взятками и коррупцией, как всегда в Синане. Как могло быть иначе?

Столица, кажется, вошла в его посеребренную хижину, отогнав сон еще дальше воспоминаниями о шумной толчее и суете, которая никогда не прекращается, независимо от времени суток. Продавцы и покупатели кричат на базарах, нищие и акробаты, предсказатели судьбы, наемные плакальщицы, идущие в похоронной процессии с распущенными волосами, лошади и повозки, гремящие и днем и ночью, мускулистые носильщики паланкинов, покрикивающие на прохожих, чтобы уступили дорогу, и прогоняющие нерасторопных бамбуковыми палками. Стражники Золотой Птицы со своими собственными палками на каждом крупном перекрестке, которые очищают улицы от людей с наступлением темноты.

Маленькие лавочки в каждом районе города, открытые всю ночь. Ночные уборщики мусора проезжают, издавая свои жалобные предостерегающие крики. Бревна подскакивают и катятся сквозь внешние стены Синаня в огромный пруд у Восточного базара, где их будут продавать и покупать после восхода солнца. Утренние порки и казни на двух базарных площадях. После обезглавливания выступают уличные артисты, пока большие толпы еще не разошлись. Звон колоколов, отмечающий время днем и всю ночь, и долгая дробь барабанов, запирающая стены и все сторожевые ворота на закате и открывающая их на рассвете. Весенние цветы в парках, летние фрукты, осенние листья, и повсюду желтая пыль, прилетающая из степей. Пыль мира. Нефрит и золото. Синань...

Он слышал, и видел, и почти чувствовал его запахи, как запомнившейся хаос и какофонию души. Потом отогнал их от себя в лунном свете, снова прислушался к призракам снаружи, к их плачу, с которым ему пришлось научиться жить здесь, чтобы не сойти с ума.

В серебряном свете он посмотрел на низкий письменный столик, на палочку туши и бумагу, на плетеный коврик перед ним. Его мечи стояли у стены рядом. Аромат сосен влетал в открытые окна с ночным ветром. Дуэтом с мертвецами звенели цикады.

Он приехал к Куала Нору, под влиянием душевного порыва, чтобы почтить печаль отца. Он оставался здесь также и для себя – работал каждый день для того, чтобы принести то облегчение, какое только мог, каким бы малым ни было число оставшихся не погребенными. Труд одного человека, не бесцельного, не святого.

Прошло два года, менялись сезоны и звезды на небе. Он не знал, как будет чувствовать себя в толчее и сутолоке столицы. Это была честная мысль.

Он не знал, по каким людям скучает. И видел одну из них мысленным взором, почти слышал ее голос, слишком живо, чтобы сон вернулся к нему, вспоминал последний раз, когда лежал с ней.

– А если один человек возьмет меня отсюда, когда ты уедешь? Если один человек попросит меня... предложит мне стать его личной куртизанкой, или даже наложницей?

Тай знал, конечно, кто такой этот «один человек».

Тогда он взял ее руку с длинными, позолоченными ногтями на пальцах, унизанных кольцами с драгоценными камнями, и положил на свою обнаженную грудь, чтобы она почувствовала биение его сердца.

Она рассмеялась, с легкой горечью:

– Нет! Ты всегда так делаешь, Тай. Твое сердце никогда не меняет свой ритм. Оно мне ни о чем не говорит.

В Северном квартале, где они находились – комната наверху в павильоне Лунного света дома удовольствий – ее звали Весенняя Капель. Он не знал ее настоящего имени. Настоящих имен никто не спрашивал. Это считалось неучтивым.

Медленно произнося слова, потому что ему было трудно, он сказал:

– Два года – большой срок, Капель. Я это знаю. Много произойдет в жизни мужчины или женщины. Это...

Он поняла руку и зажала ему рот, не слишком нежно. Она никогда не была с ним нежной.

– Нет, опять. Послушай меня, Тай. Если ты заговоришь снова о Пути, или об уравновешенной мудрости долгого течения жизни, я возьму фруктовый нож и отрежу тебе мужское достоинство. Я подумала, что тебе следует знать об этом раньше, чем ты продолжишь.

Он помнил шелк ее голоса, его потрясающую сладость, когда она произносила подобные вещи. Он поцеловал ее ладонь, прижатую к его губам, а потом тихо ответил, когда она слегка отодвинулась:

– Ты должна поступать так, как считаешь лучше для своей жизни. Я не хочу, чтобы ты была одной из тех женщин, которые ждут у окна над мраморной лестницей по ночам. Пусть кто-нибудь другой проживает эти стихи. Я собираюсь вернуться в поместье моей семьи, совершить обряды в память об отце, потом вернуться. Это я могу тебе сказать наверняка.

Он не лгал. Такими были его намерения.

Но все сложилось иначе. Какой человек дерзнет поверить, что все, что он планирует, может осуществиться? Даже император, получивший полномочия от богов, не осмелится на подобное.

Он представления не имел, что с ней произошло, действительно ли «один человек» забрал ее из квартала куртизанок и сделал своей собственностью за каменными стенами особняка в городе аристократов, что наверняка было для нее лучшей жизнью. Никакие письма не приходили в эти места к западу от перевала Железные Ворота, потому что и он не писал никаких писем.

Не обязательно должна быть та или иная из крайностей, подумал он, наконец: Синань против этого одиночества за всеми границами. Долгая история мудрости Пути учит равновесию, не так ли? Две половинки души человека, его внутренней жизни. Ты уравновешиваешь двестишья в официальных стихах, отдельные элементы – в картине: река, утес, цапля, лодка рыбака, мазки толстой и тонкой кисти – в каллиграфии, камни, деревья и воду в саду, меняющиеся узоры своих собственных дней...

Тай мог бы вернуться домой, к их речке, например, а не в столицу, когда покинет это место. Мог бы жить там и писать, жениться на той, которую выберут для него мать и Вторая мать, растить свой сад, цветник – весенние цветы, летние фрукты, – принимать гостей и наносить визиты, состариться, отрастить седую бороду в покое, но не в одиночестве. Смотреть на падающие листья павловнии, на золотых рыбок в пруду. Он помнил, как это делал его отец. Мог бы даже когда-нибудь прослыть мудрецом. Эта мысль при свете луны вызвала у него улыбку.

Он мог бы совершить путешествие, на восток, вниз по течению реки Вай или самой Большой реки, через ущелья к морю, а потом обратно. Там, где лодочки отталкивались

шестами против течения или тянули свои суда на запад толстыми веревками по скользким тропам, пробитым в скалах, когда снова подходили к бурным теснинам.

Он мог бы отправиться еще дальше на юг, где империя становится другой, странной: на тех землях рис выращивают в воде, там есть слоны, гиббоны и мандрилы, и тигры с желтыми глазами убивают людей в темных джунглях. Там леса розовых и камфорных деревьев, а море дарит жемчужины тем, кто способен их добывать.

Наконец, он родом из уважаемой семьи. Имя генерала Шэня открывало двери, в которые Тай мог войти и встретить радушный прием у префектов и сборщиков налогов, и даже у военных губернаторов по всему Катаю. По правде говоря, имя первого брата могло теперь быть даже более полезным, хотя тут имелись свои сложности.

Но все это было возможно. Тай мог путешествовать, размышлять и писать, посещать храмы и павильоны, пагоды на вершинах туманных гор и гробницы в их толще. Он мог бы делать это точно так же, как тот прославленный поэт, с чьими строчками на губах он проснулся. Возможно, он и сейчас это делает. Хотя честность (и ирония) навевали дополнительные мысли о том, что Сыма Цянь в годы своих путешествий на кораблях и по дорогам, в горах, в храмах и в бамбуковых рощах, наверное, уделял выпивке не меньше внимания, чем всему остальному.

Это тоже было, не так ли? Хорошее вино, дружеская компания поздней ночью. Музыка. Этого не следует избегать или презирать.

Тай уснул с этой мыслью и с неожиданно горячей надеждой, что тагуры не забудут привезти вина. Он почти допил то, что ему привезли его соотечественники две недели назад. Долгие летние сумерки оставляли больше времени на выпивку перед тем, как отправиться спать вместе с солнцем.

Он спал и видел во сне женщину, в ту последнюю ночь положившую руку ему на грудь, а потом на его губы. Ее оформленные и покрашенные брови-мотыльки, зеленые глаза, алый рот, огоньки свечей, нефритовые шпильки, вынутые медленно, одна за другой, из золотых волос, и аромат ее духов...

Его разбудили птицы с дальнего конца озера.

Несколько ночей назад он попытался написать стихотворение из шести строчек по всем правилам, сравнивая их пронзительное утреннее пение с шумом открывающихся утром базаров Синана, но не сумел сохранить параллельную рифму в последней строфе. Возможно, его поэтическая техника выше среднего уровня, и вполне достаточная, чтобы сдать стихотворную часть экзамена, но, по его собственному мнению, он вряд ли способен создать стихи, которые проживут долго.

Одним из результатов двух лет одиночества стала эта мысль, часто посещавшая его.

Тай оделся и развел огонь. Пока кипятилась вода для чая, он умылся и стянул сзади волосы. Взглянул в бронзовое зеркало, которое ему подарили, и подумал, не побрить ли щеки и подбородок, но решил поберечь себя этим утром. Тагуры переживут, что он небрит. Нет даже веской причины подвязывать волосы, но он чувствовал себя степным варваром, когда оставлял их рассыпанными по плечам. У него на этот счет были воспоминания.

Пока заваривались чайные листья, перед тем как поесть и попить, он встал у восточного окна и произнес молитву духу отца, обратившись в сторону восходящего солнца.

Каждый раз, когда Тай делал это, он вызывал и удерживал воспоминание о Шэнь Гао, кормящем хлебом диких уток в их речке. Он не понимал, почему ему так запомнился именно этот образ, но это было так. Возможно, из-за ощущения покоя в той жизни, где покоя не было.

Он приготовил и выпил свой чай, съел немного высушенного с солью мяса и смолотого зерна, размоченного в горячей воде с медом из клевера, потом снял с гвоздя у двери

крестьянскую соломенную шляпу и натянул сапоги. Летние сапоги, почти новые – подарок от солдат из крепости у Железных Ворот, на смену прежней изношенной паре.

Они это заметили. Они пристально наблюдали за ним каждый раз, когда появлялись, как потом понял Тай. И еще он осознал, в первую, самую тяжелую зиму, что почти наверняка умер бы здесь без помощи от двух фортов. Можно прожить совсем одному в некоторых горах в некоторые времена года – это было легендарной мечтой поэта-отшельника, – но только не у Куала Нора зимой, не так высоко и вдали от всех, когда выпадает снег и дует северный ветер.

Припасы, неизменно поставляемые в новолуние и в полнолуние, сохранили ему жизнь. Несколько раз их доставка потребовала колоссальных усилий, когда страшные снежные бури слетали с гор на замерзший луг и озеро.

Он подоил двух коз, внес ведро в хижину и накрыл его, оставив на потом. Взял оба меча и снова вышел наружу, где проделал свои обычные каньлинские упражнения.

Убрал мечи, потом снова вышел, постоял несколько мгновений под лучами почти летнего солнца, слушая пронзительный птичий гомон. Глядя, как они кружат с криками над озером, синим и прекрасным в утреннем свете, на котором не было ни намека на зимний лед и на то, сколько покойников лежит вокруг, на его берегах... Пока не отведешь глаз от птиц и воды и не посмотришь на высокую траву луга. И тогда ясно видны кости, повсюду. Тай видел свои курганы, в которых он их хоронил, к западу от хижины и к северу, на фоне сосен. Уже три длинных ряда глубоких могил.

Он повернулся, чтобы снова взять лопату и приступить к работе. Именно за этим он здесь.

Его привлек какой-то блеск на юге: солнце отразилось от доспехов на половине дороги у последнего поворота последнего идущего вниз склона. Приглядевшись, он увидел, что тагуры сегодня пришли рано, или – Тай снова проверил по солнцу – он сам промедлил после бессонной ночи под белой луной.

Он смотрел, как они спускаются с волами и телегой на тяжелых колесах, думая о том, сам ли Бицан сегодня возглавляет караван с припасами. И обнаружил, что надеется на это.

Правильно ли ждать появления человека, чьи солдаты могли изнаsilовать его сестру и обеих матерей и весело разграбить и сжечь фамильное поместье во время любого вторжения в Катай?

Люди меняются во время войн и конфликтов, иногда – до неузнаваемости. Тай убедился в этом на собственном примере, в степях за Длинной стеной, среди кочевников. Люди менялись, и не всегда так, что об этом приятно вспоминать, хотя мужество, которое он там видел, стоило запомнить.

Тай не думал, что Бицан может превратиться в жестокого варвара, но кто знает? И он легко мог представить себе такими некоторых тагуров, которые приезжали сюда за эти два года, в доспехах и с оружием, словно по зову боевых барабанов на поле боя, а не с целью доставить припасы одинокому глупцу.

Встречи с воинами Империи Плато, когда они спускались к нему, не были простыми, в них было нелегко разобраться.

Когда тагуры добрались до луга и начали огибать озеро, он увидел, что это действительно Бицан. Командир ехал рысью на своем гнедом сардийском жеребце. Животное было настолько великолепное, что просто дух захватывало. Они все были такими, эти кони с далекого востока. Во всем отряде тагуров такой конь был только у командира. В стране Тая их называли «божественными конями». Легенды гласили, что они потеют кровью.

Тагуры выменивали их в Сардии, за пределами тех краев, где отдельные дороги Шелкового пути вновь сливались в одну на западе, за пустынями. Там, после нескольких трудных горных перевалов, лежали глубокие, пышные долины, где разводили этих коней, и народ Тая